Алекс Вестфорд

ТАЙНЫЙ БЛЭКВУД

Дела инспектора Уитмора

ЗАВЕЩАНИЕ ЛЕДИ УИНТЕР

КНИГА ПЯТАЯ

Алекс Вестфорд

Завещание леди Уинтер

«Автор»
2026

Вестфорд А.

Завещание леди Уинтер / А. Вестфорд — «Автор», 2026

Апрель 1933 года. В четыре часа леди Аделина Уинтер должна подписать новое завещание. До приезда свидетелей её находят мёртвой в малой гостиной. Разбитое окно указывает на сад, пятно крови — на недавнюю семейную ссору, а старая кожаная перчатка успела побывать в нескольких руках. Инспектор Артур Уитмор и сержант Томас Рид выясняют, кто терял наследство и кто надеялся наконец уйти из дома, где забота слишком часто оборачивалась приказом. В канцелярии покойной тем временем обнаруживаются письма женщины, пользовавшейся чужой фамилией. Они помогают понять давнее исчезновение Элеоноры Вейл — и возвращают настоящее имя её спутнице. Пятое самостоятельное расследование серии «Тайный Блэквуд. Дела инспектора Уитмора».

© Вестфорд А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Завещание леди Уинтер 5
Глава 1. Три лимона для поверенного 6
Глава 2. Чужая фамилия 11
Глава 3. Окно в сад 16
Глава 4. Место на скамье 20
Конец ознакомительного фрагмента. 23

Алекс Вестфорд
Завещание леди Уинтер

Завещание леди Уинтер

Алекс Вестфорд

Глава 1. Три лимона для поверенного

Из-за нового завещания Марте Грин пришлось послать в лавку за тремя лимонами.

Мистер Эллисон пил чай без молока. Обычно в доме хватало одного лимона, но первый оказался сухим, второй взяли на кухню, а до прихода поверенного оставалось меньше часа. Марта велела мальчику от садовника купить три, переспросила, понял ли, и дала корзинку: в прошлый раз он принёс в карманах, потом уверял, что лимонам от земли ничего не сделается.

В холле пахло краской. Накануне поправляли рамы в малой гостиной, и хозяйка решила, что рабочие нарочно выбирают такой день, после которого придётся распахнуть весь дом. Марта закрыла дверь со стороны лестницы. На коврике у сада проступили тёмные следы, ещё не высохшие после утренней уборки.

Лоуренс Уинтер застал её на коленях.

— Пул опять прошёл?

— Я прошла. Мыла ему заодно дорогу.

Он поднял руки, отступил на чистый край. Утром уже успел осмотреть две крыши, вернулся в хорошем настроении, с мокрыми перчатками в кармане. Одна была зашита поперёк большого пальца. Марта заметила светлую нитку на тёмной коже.

— Миссис Уинтер велела больше не сушить их у самого огня. Шов опять разойдётся.

— Эмили считает, что у перчаток должна быть лучшая жизнь, чем у моих рук.

Он посмотрел на перчатку, потрогал место ремонта и убрал. На левом запястье кожу придерживала узкая заплата изнутри, ровная, почти незаметная снаружи. Жена пришила её вчера вечером, пока он читал газету. Лоуренс поблагодарил лишь после того, как она поднялась уходить.

Теперь Эмили стояла наверху, у перил, в домашнем платье. Спросила, не видел ли он её очки. Муж показал на цепочку у неё на груди. Она взялась за оправу, улыбнулась, но вниз не пошла.

— Эллисон уже приехал?

— Ещё нет.

— Ты останешься к четырём?

Лоуренс сказал, что останется. Утром собирался в соседнее хозяйство, однако тётушка попросила всех быть дома. По тому, как он это произнёс, нельзя было понять, сердится ли, или просто передаёт распоряжение.

Марта встала. Колени ныли после пола; следовало взять с собой подушечку, но на эту мысль всегда не хватало времени прежде того, как опустишься. Отнесла таз к служебной двери и вернулась за ключом от шкафа с посудой. В малой гостиной звякнула чашка.

Леди Аделина Уинтер сидела у окна. На столике возле неё лежали два конверта, нож для фруктов и разрезанная груша. Один конверт она успела открыть, из другого достала письмо, разорвав край пальцами, хотя нож лежал под рукой. Острота ножа её не интересовала: грушу на кухне опять очистили слишком толсто.

— Кофе для полицейских здесь или в кабинете? — спросила Марта.

— В кабинете. Они приехали читать, а не слушать про мои лекарства.

— Они ещё не приехали.

— Тем более успеешь.

Аделина сняла очки, протёрла платком. Ей было шестьдесят восемь, и она уже начала раздражаться, когда люди делали скидку на возраст. Особенно после того, как скажет что-нибудь вполне определённое. Приказ принести другой стул повторяли с выражением, словно требовалось осторожно уточнить, действительно ли старуха желает сидеть.

Она подала Марте письмо.

— Если Ричард спросит, это для меня. Не ему на почту.

— Я его письма вам не приношу.

— Вот и продолжай.

Внезапная похвала вышла похожей на выговор. Марта взяла пустую чашку, проверила, не оставила ли груша сок на салфетке. За окном садовник двигал тачку вдоль дорожки, поднятой после дождей. Малая гостиная выходила на сад двумя высокими створчатыми окнами. Одно приоткрыли, чтобы ушёл запах краски, другое держали закрытым: нижняя петля заедала, Пул обещал посмотреть после обеда.

К этому окну подходила узкая полоса гравия. Дальше шли клумба, низкая подпорная стенка и ступени к огороду. В дождь люди обходили клумбу по длинной дороге, потому что на ступенях скользили. Аделина считала обход леностью. Марта, однажды упавшая там с подносом, уже не спорила.

Ричард вошёл через общую дверь из холла. Пальто было расстёгнуто, волосы намокли у висков. Поцеловал бабушку, потом отвёл стул так, чтобы видеть её лицо без необходимости наклоняться над столом.

— Ты велела остаться к четырём. Я отменил поездку.

— Хорошо.

— Не очень. Меня там ждали.

— Эллисон тоже назначает время заранее.

Ричард посмотрел на письма, отвёл взгляд. Он работал инженером и привык, что на работе недовольство можно перевести в расчёт, показать, что именно не сходится. Дома оно оставалось недовольством: бабушка не принимала числа, если вывод ей не нравился.

Марта взяла поднос. Ричард придержал дверь, пропуская, и благодарно кивнул за эту возможность отступить от кресла хотя бы на шаг. Экономка хотела предупредить про подоконник, но он уже вернулся к бабушке.

Когда приехали Уитмор с Ридом, лимоны ещё не принесли. Сильвия Брук встретила их в холле, держа лист с перечнем папок. Секретарь была в простом синем платье; возле правой манжеты темнел след копировальной бумаги. Увидев взгляд сержанта, она подтянула рукав и только потом поздоровалась.

— Мартовское вложение уже вернулось, — сказала она. — Рекомендацию мисс Вейл я положила туда же, откуда брали. Новые ответы отдельно.

— Благодарю. Мы получили ваше письмо.

После осмотра старой рекомендации переписка действительно пошла дальше. Уитмор спрашивал о трудоустройстве женщины, назвавшейся Алисой Роуэн; канцелярия искала записи по домам, которым могли передать её просьбу. Не все ответы приходили из одного шкафа. Одни бумаги хранились здесь, другие остались у поверенного, третьи пришлось запрашивать у людей, давно оставивших службу.

Сильвия провела их в кабинет. В Уинтер-Лодж жили просторнее, чем требовалось нынешним обитателям, но рабочие комнаты оказались тесными: всё лишнее из парадных помещений со временем переселяли сюда. Вдоль стены стояли ящики, на крышках которых мелом написали годы. На одном поверх даты лежали два цветочных горшка.

— Их не я поставила, — сказала секретарь.

Рид убрал горшки на свободный подоконник.

— Теперь никто не поставит на письма.

— До вечера.

Она улыбнулась, открыла ящик. Сверху лежали счета на ремонт крыши, под ними переписка о женских местах и пожертвованиях. Сильвия уже отделила нужное, оставила закладки. Одна записка касалась Хейвуд-Хауса, где в двадцать четвёртом подыскивали помощницу по

белью и хозяйственным записям. Фамилии Роуэн в ней не было; учреждение ответило Баркли о своих условиях и просило предварительно познакомить с кандидаткой.

— Я пока не могу сказать, направили ли женщину именно туда, — объяснила Сильвия. — Есть письмо о месте. Есть декабрьская просьба. На одном листе они не встречаются.

Инспектор прочёл. Хейвуд называли частным домом, который принимал женщин для восстановления сил и временного проживания. Расходы могли оплачивать родственники. Никакой лечебницей бумага его не объявляла, имён врачей в тексте не было. Уитмор попросил посмотреть следующий ответ, если сохранился.

Секретарь подала второй конверт. Тот относился к январю следующего года, речь уже шла о другой женщине. Она заранее подписала на оболочке, почему оставила рядом: показывало, как обычно шла переписка. Инспектор вернул в прежнее место, отметил только порядок поиска.

— Про Роуэн есть ещё название в счёте швеи, — сказала Брук. — Точнее, про дом. Мод Флетчер. Она живёт в Грейли, я ей написала. Позволила прийти после двух, до того занята примеркой.

Рид записал адрес. Попросил не отправлять сейчас кого-нибудь торопить женщину. Сильвия ответила, что не стала бы: Флетчер однажды пришла с недошитым рукавом, когда леди Уинтер велела немедленно явиться, и с тех пор хозяйка её «немедленно» уточняла.

Леди Аделина вошла без стука. Взяла со стула старую газету, села, показала на разложенное.

— Нашлось?

Уитмор назвал полученные сведения. Хозяйка выслушала до конца, затем спросила, считают ли, что сама Элеонора здесь работала. Инспектор ответил: пока нет оснований так говорить, проверяют просьбу о другой женщине.

— Хорошо. А то мне уже предложили вспомнить её лицо. Я не могу вспомнить лицо человека, которого, возможно, вообще не видела.

Она повернулась к Брук.

— Запросы по Хейвуду отправила?

— Два ответа ещё ждём.

— Дай им адрес Эллисона тоже. У него могли остаться счета.

Сильвия записала. Аделина подалась к папке, сама подняла лист. В двадцать четвёртом она поддерживала несколько затей, которые называли помощью женщинам. Позднее часть закрылась, другая перешла в чужое ведение. Теперь ей хотелось рассказать, сколько настоящей работы сделали, но Уитмор спросил только, знала ли она владельцев Хейвуд-Хауса лично.

— Хозяйку встречала. Дом не осматривала. Мне присылали рекомендации.

— Кто?

Аделина назвала одну фамилию, затем другую. Остановилась, попросила Сильвию проверить по книге: годы могла путать, люди менялись.

За дверью позвали мистера Эллисона. Хозяйка поднялась.

— Сейчас не смогу остаться. У нас сегодня небольшой семейный спектакль.

Сильвия посмотрела на неё, Аделина заметила взгляд и недовольно махнула рукой.

— Без зрителей. Я говорю о деловых бумагах. Вы здесь сколько хотите работайте, инспектор. Если забираете, Сильвия запишет.

В холле она встретила поверенного. Тот принёс плоский портфель, отдал Марте мокрую шляпу. Из-за его плеча выглядывал молодой клерк с другой сумкой. Лоуренс вышел поздороваться, задержал гостя вопросом о дороге. Аделина прервала: дорога остаётся той же, что была в прошлый вторник, сначала нужно обсудить текст.

Лоуренс уступил, взял у клерка сумку, сам проводил. На секунду в кабинете стало тихо. Рид поднял глаза от бумаг.

— День у вас выбран удачно.

— Мы согласовали заранее, — ответила Сильвия. — Завещание прибавилось потом.

Уитмор попросил следующий лист. Приехал по старому делу и не собирался занимать сторону в новой семейной ссоре. Но голоса за дверью проходили сквозь дерево слишком ясно. Ричард спрашивал, почему прежде никто с ним не говорил. Бабушка отвечала, что сейчас говорит. Потом поверенный что-то сказал, и дверь закрыли плотнее.

Сильвия перевернула две страницы сразу. Заметила ошибку, вернулась. Читала уже хуже. Инспектор попросил сделать перерыв, и она с явным облегчением поднялась искать кофе.

Уитмор остался у окна. Внизу Эмили шла вдоль дорожки с Вивьен Шоу. Молодая женщина несла велосипед за руль, стараясь не задеть педалью платье. Эмили открыла ей садовую калитку, придержала, пока прошла. Они о чём-то говорили, Вивьен улыбалась, но, посмотрев на дом, улыбку убрала.

Марта внесла кофе. Лимоны всё-таки привезли, и она нарезала один с таким вниманием, будто решила извлечь из поручения хотя бы удачный результат. На блюдце лежали три ровных кружка.

— Вам с молоком? — спросила она.

Оба ответили, что с молоком. Экономка несколько секунд смотрела на лимон, потом переставила блюдце на другой край подноса.

Через стену Аделина потребовала принести прежний экземпляр. Следом раздался голос Лоуренса:

— Тётя, я думал, это уже решено.

Ответа не расслышали. Сильвия вернулась с ключом от нижнего шкафа, положила его возле инспектора.

— Если Флетчер укажет другой год, здесь всё до двадцать шестого. Я после обеда опять буду у себя.

Уитмор взял чашку. На этот раз не пошёл закрывать дверь: Брук уже закрыла сама.

* * *

К обеду Эллисон уехал править последний текст. Питер Дин забрал черновики в большую сумку, прижал к груди и едва не оставил собственный шарф на стуле. Сильвия догнала у двери, отдала. Молодой человек поблагодарил так горячо, что она впервые за утро рассмеялась.

Аделина велела пригласить полицейских к столу. Уитмор начал отказываться, но Марта уже выяснила, на сколько приборов больше требуется, и хозяйка сказала, что отказываться теперь — значит испортить ей счёт. Инспектор снял очки, убрал в карман. Рид спросил, можно ли прежде закончить одну выписку, и получил пять минут.

В столовой было теплее, чем в кабинете. Под окном стояла широкая скамья, рядом дверь в сад. На ней Ричард оставил перчатки Лоуренса, которые взял, пока помогал Вивьен с цепью. Кухонная девушка хотела унести к хозяйственным вещам, но владелец остановил: пусть лежат, после обеда снова наденет.

Вивьен села возле Эмили. Платье её оказалось слишком простым для всех этих стульев, хотя в лавке выглядело нарядным. Она заметила, как крошка с хлеба упала на колени, и не стала ловить посреди разговора: дождалась, пока ей передадут тарелку, затем стряхнула под край салфетки. Ричард наклонился спросить, не холодно ли. Девушка ответила, что жарко.

Лоуренс помог Марте отодвинуть тяжёлую крышку буфета, когда та заела. Экономка раздражённо сказала, что теперь всё непременно ломается именно при гостях. Мужчина подержал крышку, дал вынуть нужное, не стал объяснять, почему следовало раньше позвать мастера. Марта поблагодарила. С его приходом дело всегда начинало двигаться, и это бывало удобно даже тем, кому не нравился его тон.

Пока разливали суп, Аделина спросила у Вивьен о лавке. Девушка рассказала про отца, двух учеников, которые приходили помогать, и заказ на несколько новых велосипедов. Хозяйка поинтересовалась, не лучше ли отдать сыновьям дело, а самой заняться перепиской.

— У отца нет сыновей, — ответила Вивьен.

— Ну так помощникам. Вы ведь не намерены всю жизнь возиться с цепями?

Девушка посмотрела на неё, потом на собственный палец с маслом возле ногтя.

— Намерена уметь всё, что требуется в лавке. Если отец заболеет, цепь не должна ждать мужчину.

Лоуренс улыбнулся. Аделина не улыбнулась, принялась есть. Ричард хотел что-то добавить, но не нашёл слов, которые не прозвучали бы объяснением за невесту. Вивьен продолжила разговор с Эмили о дороге и больше не смотрела на хозяйку.

Сильвия сидела ближе к выходу. Ей подали телеграмму, она начала подниматься, но Аделина велела прочесть после еды: если бы было срочно, уже звонили бы. Брук осталась, положила конверт возле тарелки, затем дважды перекладывала, чтобы не испачкать. Рид поймал её взгляд и подвинул свободное блюдце. Секретарь положила на него, кивнула.

Разговор перешёл к школе сестёр ухода. Лоуренс сказал, что расходы на приспособление старого дома обычно оказываются выше первого расчёта. В Уинтер-Лодж ещё оставалась сырость возле восточной стены, стоило сначала окончательно понять, что с ней делать. Аделина ответила, что сырость за десять лет успела послужить доводом против любой затеи, кроме хранения старой мебели.

— Дом не пустует, — произнёс он. — Здесь живут люди.

— Я это вижу. Потому и прошу готовить условия, а не освобождать к вечеру.

Он отодвинул ложку. Эмили тронула его рукав, спросила, не передаст ли хлеб. Ричард вдруг предложил помочь с обмером помещений: мог заняться в свободные дни. Бабушка оживилась, стала говорить, где поставить столы. Молодой человек выслушал и уточнил, что речь о помощи, а не о новой постоянной работе вместо той, которую ищет.

Аделина вернулась к тарелке.

Уитмор видел, как быстро здесь отзывали собственное предложение, если оно становилось удобным другому. Ему хотелось помочь разговору, спросить о чём-нибудь другом, но за длинным столом это тоже выглядело бы вмешательством. Рид спас молчание обычным вопросом о пути в деревню. Лоуренс охотно объяснил, где лучше свернуть к Флетчер, чтобы не попасть в размытую колею.

После обеда Марта стала искать перчатки: скамью требовалось освободить под возвращаемые хозяевам пакеты. Ричард взял кожаную пару, ещё раз протёр пальцы, положил обратно, когда дядя велел оставить у двери. Вивьен напомнила про масло внутри. Эмили уже поднималась на несколько ступеней, остановилась, посмотрела на мужа.

Ричард повёл невесту к холлу. Уитмор с Ридом задержались у Сильвии: та вручала выписанный адрес. Аделина ушла в малую гостиную, потребовав принести письмо, которое утром отложила. В коротком затишье после стола было слышно, как Ричард спросил у Марты, какое именно письмо. Экономка ответила, молодой человек замолчал.

Через несколько минут он помогал Вивьен застегнуть сумку на багажнике. Бабушка ждала его в другой комнате, ещё не звала. Это позволяло сделать вид, что можно сперва проводить гостей.

Глава 2. Чужая фамилия

Ричард встретил их перед уходом. В руках держал велосипедную шапочку Вивьен, которую та сунула ему, освобождая волосы от шпильки. Рид подумал, что молодой человек вот-вот положит её себе в карман и потом будет полдня искать.

— Скажите, вы надолго к нам? — спросил Ричард.

— Сегодня ещё заедем, если найдутся нужные листы, — ответил Уитмор.

— Бабушка уверяет, у неё нет от вас секретов. Это значит, что половину дома заняли бумагами, а спросить ничего нельзя.

Вивьен спустилась со ступеньки за его спиной, забрала шапочку.

— Это значит, что ты опять хочешь спросить через кого-нибудь другого.

— Перчатки вернул? — спросила Вивьен. — Ты в них цепь трогал. Не оставляй человеку масло.

— Протёр. На скамье у двери в сад. Он сам дал.

Ричард ещё раз посмотрел на ладони, словно это были его испорченные вещи. Лоуренс одолжил племяннику перчатки, когда тот помогал Вивьен с велосипедом; новых денег на цепь дядя пожалел меньше, чем старой кожи на руки. Девушка велела предупредить о масле отдельно, не считать, что чистая снаружи перчатка непременно чиста внутри.

Она сказала спокойно, не стараясь ни смутить его перед полицейскими, ни выручить. На пальце возле ногтя чернела въевшаяся смазка. Девушка заметила взгляд Рида, объяснила: перед отъездом помогала отцу, вымыть как следует не успела.

Ричард сказал, что речь не о завещании. Ему только хотелось знать, не касаются ли старые бумаги семьи. Уитмор ответил, что беседовали с хозяйкой по делу женщины, которую ищут. Личные распоряжения леди Уинтер сегодня к этому не относятся.

— Зато к нам относятся, — произнёс молодой человек.

Вивьен взяла его под руку и мягко потянула в сторону. Полиция осталась у ворот; не следовало стоять возле машины, пока чужой человек решит, вправе ли уехать.

До Грейли было недалеко. В деревне сошлись три дороги, и каждый приезжий почему-то выбирал сначала ту, что вела к кладбищу. Флетчер жила над своей мастерской, вход с переулка оказался задвинут изнутри. На стекле лавки висел лист: «Во время примерки прошу подождать». Рид постучал не в стекло, а в косяк, чтобы не качать дверцу.

Им ответили, что подождать придётся и полиции.

Они подождали. Напротив чистили канаву, вытаскивая из неё прошлогодние листья. Уитмор видел край белой примерочной занавески и чьи-то ноги в слишком хороших туфлях для такой погоды. Женщина за занавеской доказывала, что не могла поправиться за неделю. Мод Флетчер предложила не считать недели, а повернуться боком.

Клиентка вышла через несколько минут, увидела полицейских и сразу перестала сердиться. Хотела узнать, что случилось. Рид ответил, что пришли поговорить по старой работе. Это, по-видимому, её устроило меньше, чем случившееся сегодня.

Флетчер пригласила войти. На шее у неё висела сантиметровая лента, между пальцами — мелок. Прежде чем выслушать, она потребовала снять мокрые пальто: ткань для нового платья оставили возле самого прохода.

Сержант помог освободить стул. На нём лежали три коробки с пуговицами, большая булавка и надрезанный воротник. Флетчер переставила всё в другой порядок, от предложенной помощи в дальнейшем отказалась.

— Мне потом искать, — объяснила она.

Письмо Брук получила вчера. Называли Хейвуд-Хаус, двадцать четвёртый год, женские места. О Роуэн она ответить не могла. Не помнила такой клиентки и не собиралась уверять, будто фамилия непременно значила что-то особенное.

— Тогда я ещё ездила, — сказала швея. — Женщин не всегда привозили в лавку. Кто-то болел, кому-то не хотелось, чтобы соседи видели платье до свадьбы. Случалось всякое.

— В Хейвуде шили для проживавших или для работниц?

— Для хозяйки и для тех, за кого она платила. В счёте одно имя, на примерке другое. Я потому вела свою книгу. Иначе потом скажут, это не та женщина, которой разрешили заказывать.

Флетчер взяла с полки старый том. Нашла год по закладке: приготовила, когда получила вопрос. Не хотела выносить книгу из мастерской, потому что в ней остались и другие заказчицы; предложила посмотреть здесь.

Декабрь шёл возле конца. Против Хейвуда стояли простые исправления одежды и один новый серый костюм. Имя женщины записано отдельно, в скобках, не как плательщицы: «мисс Р. Лейн». Далее размеры, ткань, сколько отпустили на переделку.

Рид спросил, какую дату можно восстановить. Флетчер показала соседний заказ, потом собственную отметку о получении ткани. Примерку относила к ноябрю. Декабрьским был расчёт, а не непременно сама встреча.

— Это важно? — спросила она.

— Да.

Она перестала торопливо перелистывать. Подвинула книгу так, чтобы полицейские видели строку, и попросила не класть сверху ручки: бумага уже ломалась у сгиба.

Имя Лейн пока ничего не объясняло. Уитмор видел запись, касавшуюся того же дома, но не мог поместить другую женщину внутрь знакомого имени только потому, что искал одну. Спросил, сохранился ли позднейший адрес для отправки готовой вещи.

Флетчер посмотрела на него, затем на страницу.

— Не отправляла. Костюм не забрали у меня, его забрали из дома. Точнее, я там оставила после подгонки. Потом ходила за деньгами. Мне объяснили, что заказчица уехала и оплачивать некому. Я показала, кто заказывал. В конце концов заплатили.

— Женщину видели?

— Да. Но лиц девятилетней давности вам не опишу как на фотографии. Невысокая, худенькая. Волосы убраны. Меня больше занимало, почему ей платье не разрешают самой выбрать.

Она подняла с коврика оброненную булавку и воткнула в подушечку. Рид спросил, кем мисс Лейн приходилась хозяевам. Флетчер не знала. Родственницей, постоялицей, кем-то, за кого платили: так и осталось в памяти. Называли по фамилии, просьбы передавали через хозяйку.

— Она жаловалась?

Швея молчала. Уитмор уже хотел повторить иначе, когда та сказала:

— Просила пустить к окну. Там примеряли в маленькой комнате, я не видела толком шва. Она хотела к окну. Не знаю, жалоба это или ей просто света не хватало.

Она сказала только то, что могла удержать без догадок. Сержант спросил, можно ли будет поговорить ещё после проверки других бумаг. Флетчер согласилась, но велела назначать точное время: клиенты не станут ждать, потому что полиция вспоминает давнее.

Уитмор договорился о копии записи. Флетчер сама переписала нужную часть, оставила на полях, где начинается и кончается строка. Инспектор попросил сохранить книгу, не вырезать страницу, и женщина взглянула на него с искренним недоумением: кому пришло бы в голову резать хорошую переплётную бумагу.

Второй вопрос касался леди Уинтер. Та оплачивала отдельные заказы для Хейвуда? Нет, не все. Иногда помогала с зимним бельём, но одежду хозяйки не оплачивала. Швея различала по своему счёту то, что позднее можно было объединить в одном благодарственном отчёте.

— Она сама бывала там?

— При мне не видела. Я туда не каждый день ходила.

Флетчер убрала мелок за ухо и сразу забыла, куда положила. Потёрла лоб, оставила белую полоску. Рид указал на ухо; она сердито выдохнула, поблагодарила.

В дверь уже заглядывала следующая заказчица. Молодая женщина прижимала к груди свёрток, из которого торчала манжета мужского пальто. Увидела книгу и форму сержанта, попятилась.

— Я потом.

— Тебе потом на смену, — сказала Флетчер. — Иди, мы закончили.

Она ещё не закончила копию, но подвинулась к краю стола, оставляя место. Уитмор поднялся, взял пальто. Рид собрал листы, хотел помочь со старой книгой; швея опять отвела его руку и закрыла сама.

Заказчица развернула ткань. Мужское пальто было почти новое на спине и совсем лысое по краям рукавов. Женщина хотела укоротить, переделать воротник и носить сама. Её мать полагала, что получится нелепо, но другого материала не было. Флетчер поставила её перед зеркалом, накинула пальто на плечи.

— Руки подними. Теперь опусти. Не так, как будто тебя связали. В этом же ходить придётся.

Женщина повела плечами, посмотрела в зеркало и вдруг улыбнулась. Швея подколола один рукав, придержала другой. Наизнанку оказалась более тёмная ткань, не затёртая. Пальто получалось слишком тяжёлым внизу, зато воротник можно было отрезать вместе с частью потёртого края и поставить иначе.

— А мать скажет, что видно, — произнесла заказчица.

— Ей видно, потому что она знает. Остальные не станут за тобой везде ходить и смотреть на швы.

Сержант уже стоял у двери, когда женщина спросила цену. Сказала тише, оглянувшись на полицейских. Флетчер ответила так же тихо. Пришлось снять пальто, достать деньги из сумочки, пересчитать. Заказчица хотела оставить меньше и донести в субботу. Швея потребовала задаток, на который они условились прежде.

— Я ведь не чужая, — сказала женщина.

Флетчер разгладила снятый рукав. На полу лежал оброненный лоскут, она отодвинула носком под стол, чтобы никто не поскользнулся.

— Именно. Я тебе скажу, когда будет готово. Ты мне скажи, когда заплатишь. Чтобы потом обе не прятались, если встретимся.

Девушка покраснела, стала отсчитывать ещё. Мод остановила её, оставила прежнюю сумму. Попросила принести недостающее в субботу утром, до того, как сама уйдёт за покупками. Не разрешила ответить просто «хорошо»: назвала час, велела повторить.

Уитмор надел шляпу, вышел первым. На улице ветер повернул, и пахнуло мокрой землёй из канавы. Рид задержался, потому что забыл на освобождённом стуле карандаш. Флетчер протянула, когда он уже вернулся с порога. Из-за занавески заказчица спрашивала, можно ли оставить пояс пошире.

— Можно, — ответила швея. Потом негромко добавила сержанту: — Вы подумали, я из-за нескольких шиллингов унижаю. А она потом тоже не придёт, если будет стыдно. И ни пальто, ни денег.

Рид не успел подумать этого, но возражать не стал. Флетчер посмотрела, не принял ли её объяснение за просьбу поговорить ещё. Затем убрала старую книгу повыше, достала ножницы и повернулась к следующей работе.

У машины инспектор ждал, раскрыв записную книжку. Сержант показал найденный карандаш. Рид убрал карандаш, прежде чем снова забыть, и взял у инспектора копию для проверки. Внизу Флетчер проставила число, оставив место для адреса мастерской.

Уитмор остановился возле машины перечитать строку. В Хейвуде действительно принимали женщин. Служебное определение «восстановление сил» теперь получило отдельную фигуру: кто-то стоял перед швеёй в сером костюме и просил подойти к окну. Инспектору не нравилось, как быстро хотелось связать её с Роуэн. Рид, не поднимая головы, написал в книжке две фамилии на разных строках.

— Отдельно проверим, — сказал он.

— Я знаю.

— Я себе.

Они собирались зайти на почту, прежде чем вернуться в дом. Сильвии следовало передать новое имя и попросить смотреть по нему тоже, не подменяя уже направленные запросы. Рид придержал дверь, пропуская женщину с большой посылкой. Уитмор подошёл к стойке.

Почтовая служащая начала записывать адрес, но со стороны площади раздались торопливые шаги. В дверях появился мальчик, утром ходивший за лимонами. Велосипед он оставил поперёк прохода, не позаботившись прислонить к стене.

— Вас ищут, — сказал, переводя дыхание. — Из Уинтер-Лодж. Шилдс сказал, если у Флетчер нет, здесь посмотреть.

— Что случилось?

— С леди. Там кровь. Доктора уже позвали.

Рид отодвинул велосипед, чтобы не упал на выходивших. Инспектор положил на стойку деньги за сообщение, попросил отправить написанное. Служащая кивнула, взглянула на мальчика и больше не стала уточнять адрес вслух.

* * *

Марта Грин в это время сидела на нижней ступеньке лестницы в Уинтер-Лодж и не могла заставить себя подняться. Шилдс попросил приготовить полотенце для доктора. Полотенца лежали в шкафу наверху, ключ оставался у неё в кармане. Она достала его, посмотрела на лестницу и снова убрала.

В малой гостиной стояла Сильвия. Констебль велел выйти и остаться возле двери. Секретарь послушалась, затем шагнула обратно, словно не расслышала. Ему пришлось сказать ещё раз.

Аделина лежала возле кресла. Новое завещание должны были принести к четырём, но на её столике оставались только разрезанная груша, письма и салфетка. Нож лежал ниже, на ковре. Нижнее стекло закрытого утром окна разбилось, створка теперь стояла немного в сторону. В саду на гравии светлели осколки.

Ричард вышел из столовой, остановился перед лестницей. На правом рукаве у него виднелось тёмное пятно. Марта смотрела на него так долго, что молодой человек сам опустил глаза.

— Это раньше, — сказал он. — Она порезала руку. Вы же перевязывали.

Экономка кивнула. Перевязывала. Левую, возле большого пальца. Хозяйка сердилась, что Ричард разбил чашку, обещала вычесть из наследства стоимость сервиза. Все знали, что такого вычета не будет. Марта смеялась, Аделина позволила себе коротко улыбнуться, потом велела завязать потуже.

Это было сегодня. После этого Марта вымыла блюдце, убрала щётку, отправила мальчика ещё по одному делу. Она не могла понять, как в тот же самый день хозяйка перестала быть человеком, который зовёт из соседней комнаты, потому что чай простыл.

— Я не могу найти Эллисона, — сказал Ричард.

— Он в библиотеке, — ответил Шилдс. — Приехал. Все остаются здесь, мистер Уинтер.

По дорожке со стороны сада подошли Лоуренс и Пул. Садовник удерживал на голове мокрую шляпу. Лоуренс спросил, почему во дворе стоит чужая машина, и осёкся, увидев лица в холле.

Эмили спустилась на несколько ступеней. На муже перчаток не было. Она посмотрела на его руки, затем на открытую дверь гостиной. Спросить успела только одно:

— Аделина?

Шилдс преградил путь. Из комнаты вышел доктор, и Марта наконец встала. Ключ больно упирался в ладонь: она всё-таки вынула его из кармана и теперь держала, как держат вещь, за которой послали и которую пока некому отдать.

Глава 3. Окно в сад

У ворот лежал забытый садовый фартук. Рид поднял его за сухой край, хотел отнести к стене, затем увидел, что на него уже положили камень: Пул прикрыл мокрые семена на скамье. Сержант вернул как было. В этом доме с утра всё ещё продолжались дела, значения которых он не знал.

Шилдс ждал в холле. Молодой на вид, с обветренными щеками, он оказался старше, чем решил Уитмор. Назвался Эрнестом, сказал, что прежде видел инспектора на разбирательстве в Блэквуде. Сейчас явно хотел, чтобы это знакомство помогло пропустить слова о том, как ему следует работать.

Уитмор спросил, кто вошёл к хозяйке после обнаружения. Сильвия Брук, Марта Грин, сам Шилдс, доктор. Ричард остановился у двери, Лоуренса и Эмили не пустили. Первый вызов поступил от Марты: нашла, когда пошла спросить о чае. Часы в холле показывали уже без двадцати четыре. Констебль прибыл скоро, мальчик за полицейскими уехал после него.

— Стекло никто не подбирал?

— Не позволил. Люди со стороны сада полезли смотреть, поставил Пула у дорожки. Он теперь ворчит, что все вокруг грядок ходят, а отвечает он.

Марта стояла возле лестницы. При виде Уитмора протянула полотенце и только потом вспомнила, что тот не врач. Инспектор взял, передал Шилдсу, попросил экономку пока присесть. Она спросила, разрешат ли убрать обеденную посуду.

— Из этой комнаты ничего. В остальных скажите констеблю, что требуется, — ответил он.

Она кивнула, но осталось видно, что ей всё ещё непонятно, можно ли заняться чем-нибудь обычным.

В малой гостиной пахло грушей и открытым камином. Доктор Леонард Крофт встал возле кресла, пропустил инспектора. Широкоплечий человек, с очень чистыми ногтями и потрескавшейся кожей у костяшек, он говорил негромко, не предлагая успокоительных догадок. Признаков жизни при его приходе уже не было. Рана на туловище, кровь возле кресла. Для полного ответа потребуется исследование, но перед ними не человек, которого погубила только разбитая чашка.

Крофт показал на левую руку.

— Это перевязали раньше. Мне сказали, порез осколком. Сейчас не снимал, чтобы не смешивать. Кровь там тоже есть, но она сама по себе ничего не расскажет о ноже.

На полу возле правой стороны кресла лежал узкий стальной нож. Рукоятка светлая, из кости или похожего материала, клинок окровавлен. У торца рукоятки белел маленький скол; Уитмор попросил снять его отдельно, пока никто не поднял нож. Марта видела его утром на блюдце с фруктами. Под столиком осталось блюдце, груша на нём потемнела по краям. Один открытый конверт упал, другой удерживала чашка.

Уитмор присел так, чтобы не задеть край ковра. Правая кисть хозяйки была немного согнута; возле пальцев виднелась тёмная полоска с ниткой. Не украшение: что-то узкое, помятое. Он попросил доктора пока оставить вместе с положением руки, описать и снять до дальнейшего исследования тела. Шилдс занёс в свой лист. Для работы с предметами инспектор вызвал людей из управления, объяснив, что требуется привезти.

Окна выходили на восток. Левое, открытое утром для проветривания, теперь закрыли. У правого разбили нижнее стекло. Створка отошла от рамы, край занавески оказался снаружи. Крупные осколки лежали на гравии ниже подоконника, несколько мелких — внутри, возле стены. Под окном виднелась полоска мокрой земли от клумбы, дальше шла каменная стенка со ступенями.

Рид вышел через холл и обошёл дом, не перелезая через стекло. Снаружи внимательно посмотрел на открытое место. Шилдс уже оставил свободной узкую дорожку, по остальному успели пройти люди. Там, где гравий переходил в землю, смешались следы, и обещать отдельную подошву по любому углублению было поздно.

Он вернулся, сообщил инспектору, что нашёл, и спросил, кто первым заговорил о проникновении через окно.

— В холле повторяли, — ответил констебль. — Миссис Грин сказала: окно разбито, кто-то пробрался. Мистер Лоуренс подошёл и тоже решил так.

— Видел человека?

— Не говорил, что видел.

Сержант посмотрел на занавеску. Материал подхватило возле нижнего угла створки; он мог оказаться снаружи, когда её открывали. Кто и зачем открывал, по одной ткани прочесть было нельзя. Рид попросил принести линейку и бумагу для описания, а не пробовать окно ещё несколько раз при каждом вопросе.

Марту пригласили после первого осмотра. Она остановилась у порога, не глядя на хозяйку. Описала, как нашла: постучала, ответа нет, вошла, увидела на полу возле кресла. Подумала, упала. Пошла к ней, Сильвия следом из холла. Экономка дотронулась до плеча и сразу отняла руку. Нож увидела позднее, когда секретарь попросила не двигать ноги.

— Зачем вы пришли?

— Спросить, накрывать на всех здесь или в столовой. Она велела к четырём, но после обеда передумала насчёт комнаты. Я не знала, на чём остановилась.

— На часах смотрели до входа или после?

Марта закрыла глаза. Вспоминать дом как последовательность часов оказалось труднее, чем найти в нём полотенце.

— После. Когда Сильвия побежала звонить, я вышла. Посмотрела, потому что подумала: Эллисон уже здесь, надо ему сказать, подписание задержится.

Она поняла, как нелепо прозвучало последнее, сжала губы. Уитмор попросил продолжить с того места, где Сильвия вызвала доктора. Не заставлял объяснять, почему сначала подумала о гостях, а не о смерти.

Первую перевязку хозяйке Марта сделала после ссоры с Ричардом. Чашка разбилась о каминную решётку, Аделина потянулась убрать осколок с кресла и порезалась. Когда экономка пришла на звонок, молодой человек уже помогал держать платок. Он бросил чашку сам. Марта это не видела, но слышала его извинение, слышала ответ хозяйки.

— После этого она была жива? — спросил инспектор.

Марта посмотрела на него с обидой.

— Я ей руку бинтовала. Она указывала, где туго, где слабо. Разговаривала со мной. Потом велела убрать чашку и принести другую. Мы ещё про сервиз говорили.

Уитмор кивнул, предложил назвать время, на которое действительно могла опереться. Часа не знала, обед уже убрали, до прихода поверенного оставалось достаточно. Ричард потом ушёл к столовой, она отнесла щётку в хозяйственную комнату.

Закрывала ли окна прежде обнаружения? Нет. Утром открывала левое, позднее в комнате работала Сильвия. Когда пришёл доктор, Марта прикрыла левую створку по его просьбе: поднимало лежавшие на столике листы. Правое не трогала. Пул к правой петле до вечера не добрался, хозяйка могла разрешить после ухода гостей. Марта попросила не думать, будто садовник бросил всё без спроса: он весь день ходил между поручениями.

Доктор уже собирался передать дальнейшую работу. Уитмор попросил остаться ненадолго для уточнений, затем вышел в холл. Сильвия сидела рядом с Эмили, не сняв накинутого пальто. В нём успела выйти звонить через соседнюю дверь: телефон находился в кабинете, где

утром работала полиция, окно там открыли и стало холодно. При обнаружении она была без пальто; это Шилдс уточнил прежде, чем к кому-нибудь добавили чужой рукав.

Секретарь рассказала о хозяйке после обеда. Отнесла два письма на подпись, одно получили с утренней почтой позднее остальных. Аделина прочла, исправила слово, подписала. Брук стояла перед столиком, отвечала о записи в книге писем. Часа тогда не отметила, но после трёх ещё не уходила из рабочего кабинета надолго: ждала звонка по одному из запросов.

— Аделина сказала, что вы придёте ещё раз, — добавила она. — Велела не убирать ящик за горшки. Я объяснила, что их уже убрал сержант.

Рид вспомнил, как ставил горшки, почувствовал неожиданное раздражение. Хозяйка успела ещё позаботиться о том, куда вернут её неудобные ящики. Через час в комнате оказался нож.

— Окно вы закрывали? — спросил он.

— Левое. Дуло прямо на неё. Правое закрыто было. Я к нему не подходила.

Она назвала, кому отдала подписанное для отправки, где остались конверты. Письмо можно было сверить, однако главным оставалось её собственное наблюдение живой хозяйки, а не возможность поставить ещё одну подпись в ряд.

Эмили ждала, пока её спросят. О муже начала сама: вместе с Пулом был в саду. Она видела, как они шли от огорода, обсуждали посадки. Лоуренс кричал, чтобы не отвозили на край участка старую землю. Слышала каждое слово из спальни.

— Когда это было?

— После обеда. Мы все разошлись… Я поднималась. Окно у меня на сад.

Уитмор спросил, видела ли его раньше, перед тем как они возвращались. Женщина замялась. Да, утром. Потом в холле. Потом, кажется, выходил с перчатками.

— Не «кажется», — сказала она себе самой. — Выходил. Я спросила, не позабыл ли их опять.

— До вашего подъёма или после?

Она сцепила руки. Это различие не было у неё приготовлено.

— Я попробую восстановить. Можно не сейчас, при всех?

Инспектор попросил Шилдса освободить небольшую комнату. Эмили встала сразу, едва не забыв сумку. Сильвия удержала ручку, передала. Ричард стоял в дверях столовой, слушал конец разговора. Он выглядел так, словно устал ждать обвинения и уже был готов сам его произнести.

— У меня кровь от её руки, — сказал молодой человек. — Марта объяснила?

— Объяснила. С вами поговорим отдельно.

Ричард хотел добавить, что не собирался убивать бабушку. Ничего не сказал, отошёл. На проходе оказался Филип Эллисон с портфелем. Он держал его двумя руками, словно приехал передать и никак не мог найти нужного человека.

Уитмор представился. Поверенный сообщил, что приехал для подписи к четырём. Вторым свидетелем должен был стать его клерк, Питер Дин. Новый текст не исполнен: хозяйка не успела подписать при них. Он оставался в портфеле, кроме того времени, когда Эллисон сверял утренние исправления у себя в конторе.

— Существовало прежнее завещание?

— Да. Экземпляр хранится у нас. Сегодняшний проект его пока не заменил.

— Просили кого-нибудь остаться свидетелем?

— Я и мистер Дин. Мы должны были присутствовать при подписи. Никому из семьи подписывать за них не предлагали.

Он посмотрел на дверь малой гостиной. Что-то хотел спросить о состоянии клиентки, заметил доктора и передумал. Портфель опустил на стул, не открыл без просьбы.

Лоуренс подошёл из бокового прохода. Увидел бумаги, быстро перевёл взгляд на инспектора.

— В саду кто-нибудь чужой был? Я велел Пулу посмотреть, где могли пройти. Забор со стороны дороги низкий.

— Пока мы просили сохранить дорожки, — ответил Рид. — Не ходить по ним в поисках кого-нибудь.

Мужчина извинился. Сказал, что хотел помочь. Казалось, ему действительно было легче отдать распоряжение, чем стоять в холле и слушать, какие части его дома теперь доступны только с чужого разрешения.

Уитмор попросил назвать, где он сам находился с начала дня. Не начал с вопроса о заборе. Лоуренс сел, положил руки на стол, потом убрал левую под правую.

— После обеда был у хозяйственных построек. С Пулом. Эмили меня видела. Я не возвращался к тёте.

Инспектор записал именно это. Из малой гостиной позвали Шилдса: приехал человек с камерой. Констебль поднялся, придержал дверь, пропуская. Лоуренс проводил взглядом его тяжёлую сумку.

Рид остался с ним, а Уитмор вернулся к окнам. Сад снаружи выглядел пустым, уже светлел после дождя. В траве возле ступеней лежала половинка груши. Кто-то выбросил из окна ещё утром или после обеда; теперь и она, вероятно, приобретёт у кого-нибудь значение. Инспектор попросил записать положение и принял у доктора первые замечания, не пытаясь пока угадать, какая подробность окажется главной.

Глава 4. Место на скамье

В маленькой комнате, куда Шилдс проводил Эмили, некуда было положить сумку. Столик занимали коробки с лекарствами, на кресле лежал сложенный плед, второе кресло стояло так близко к двери, что её нельзя было закрыть. Эмили переставила плед сама, села. Уитмор подвинул стул, снял с него швейную подушечку и протянул хозяйке.

— Это моя, — сказала она, убирая. — Я с утра искала.

В неё были воткнуты две иглы с разными нитками. Инспектору показалось, что женщина радуется находке и стыдится радости. Она больше не смотрела на подушечку.

Уитмор попросил вернуться к мужу в саду. Эмили ответила, что уже всё рассказала. Он мог там находиться, когда случилось несчастье. Она видела его с садовником, они о чём-то спорили. Разумеется, в такую минуту трудно восстановить по отдельности весь день.

— Я спрашиваю только о времени, когда вы видели его сами.

— Из окна. Если посмотреть вниз, там дорожка. Ему незачем было ходить к тёте, она ждала Эллисона.

— Лоуренс сказал вам, что не пойдёт к ней?

Эмили потянулась к сумке, потом положила руку обратно.

— Нет. Он вообще не докладывает, в какую комнату идёт. Я же не говорю, что следила за ним.

Она рассердилась. Это помогло: перестала выбирать ответ, который показался бы достаточно спокойным. Обедали все вместе. После обеда Аделина пошла в малую гостиную, Ричард хотел поговорить с нею. Вивьен собиралась уехать: к вечеру отец оставался в лавке один. Сильвия вернулась к бумагам. Эмили поднялась переодеться.

— Зачем?

— Потому что на подоле пятно. Я выходила в сад. Вы и об этом спросите?

Уитмор ответил, что спросил бы, если пятно требовалось объяснить. Сейчас ему нужно понять, оставалась ли она всё время у окна. Эмили усмехнулась: нет, даже платье нельзя снять и надеть, стоя у открытой створки.

Она доставала вещи из шкафа, складывала бельё в дорожную сумку. Собиралась погостить у родственницы, сообщила мужу утром. Лоуренс сначала обещал отвезти, потом сказал, что не сможет из-за дел тётушки. Эмили решила ехать сама и занималась этим, пока внизу выясняли, кому сколько останется.

— Вы сегодня уезжали?

— Завтра хотела.

— Муж знал, что собираете вещи?

— Знал про поездку. Что именно лежит в сумке, не спрашивал.

Она произнесла последнее тише. Уитмор оставил эту разницу: гостья с дорожной сумкой и жена, всерьёз думающая уехать из дома, могли иметь одинаковый багаж. Выбирать за Эмили название её поступка сегодня не требовалось.

Из окна она посмотрела позднее. Сначала услышала голоса, подошла и увидела Лоуренса с Пулом. Садовник показывал вниз, к тачке. Муж отмахнулся, затем они пошли к дому. Именно это Эмили и рассказала в холле.

— А раньше, прежде того, как вы стали собирать вещи?

— Он был у садовой двери. Поднималась, увидела внизу. Взял перчатки со скамьи. Я спросила, высохли ли: Ричард успел их испортить велосипедом.

— Что ответил?

— Что вытрет. Я сказала, не клади у огня. Вчера только починила, если кожа съёжится, опять придётся.

На эту минуту часы она не смотрела. Ричард и Вивьен тогда ещё стояли возле боковой двери; девушка застёгивала сумку на багажнике. Значит, возвращение перчаток произошло до её отъезда. Уитмор записал, кого об этом можно спросить, и перешёл к самому ремонту.

Эмили показала на запястье. У левой перчатки изнутри протёрлось место возле края. Она вырезала подкладку из старой мягкой кожаной сумочки, пришила светлой крученой ниткой: тёмной нужной толщины не нашла. Сумочку муж предлагал выбросить ещё зимой. Теперь женщина почти с удовольствием объясняла, что пригодилась.

— Осталось, из чего вырезали?

— В ящике. Зачем вам?

— Хотелось бы посмотреть вместе с перчатками.

Она медленно подняла голову. Удовольствие ушло.

— Лоуренс прикасался к ней? Вы нашли на нём кровь?

— Мы описываем предметы из комнаты. Позовём вас, если потребуется узнать вещь.

— Вы уже требуете от меня узнать.

Инспектор не спорил с упрёком. Попросил пока сохранить остаток сумочки и всё, чем шила. Эмили положила подушечку с иглами на стол, рядом с лекарствами. Поднялась, но снова села: слишком быстро встала, закружилась голова.

Марта принесла воды. Налила, задержалась, ожидая, не попросят ли остаться. Эмили поблагодарила без имени, и экономка ушла. До этого она всегда обращалась к ней по имени, даже когда приказывала. Женщина заметила свою холодность уже после закрытой двери.

* * *

Ричард разговаривал с Ридом в столовой. Не хотел садиться, пока сержант не отодвинул стул и не попросил перестать ходить между ним и окном. Тогда сел боком, опершись о спинку.

О чашке рассказал сам. Бабушка получила письмо от человека, у которого Ричард рассчитывал работать. Она прежде написала ему без просьбы внука. Говорила о его способностях и семейных обстоятельствах так, что получалось: молодого человека лучше пока не приглашать далеко от дома. Аделина считала, что помогает с хорошим местом поблизости. Ричард узнал, когда пришёл ответ.

— Я спросил, зачем она это сделала. Она сказала: ты сам потом будешь рад. Так всю жизнь. Не сейчас рад, а потом. Мне двадцать восемь, сержант.

— Письмо сохранилось?

— На столике. То, которое открыто. Я его читал.

Рид сверил, о каком конверте речь, записал для осмотра. Не стал просить пересказать весь текст по памяти. Молодой человек с силой прижал ладони к коленям.

— Взял чашку и бросил в камин. Глупо. Она стала поднимать осколок с кресла, я сказал, не трогай, сам уберу. А она из вредности потянулась. Порезалась. Я схватил платок, мы заспорили, где аптечка. Потом пришла Марта.

Он хотел сказать, что чашка была пустая, и не сказал. Она могла быть какой угодно; её всё равно не следовало бросать. Сержант спросил, когда ушёл из комнаты. После перевязки, оставив бабушку с экономкой. Она разговаривала, ругала его, велела впредь покупать посуду на собственное жалованье.

— Возвращались?

— Нет.

— Куда пошли?

Ричард вышел проводить Вивьен, но к тому времени она уехала. Он отыскал её сумку с забытым ключом от лавки, собирался догнать, затем нашёл записку: ключ запасной, понадобится ему, если приедет позже. Девушка успела оставить у садовой двери, передала через Эмили. Ричард не знал, что письмо предназначалось ему, и сначала полез искать ключ в своей куртке.

Рид попросил показать записку. Молодой человек достал из жилетного кармана сложенный лист. Происходившее с ключом оказалось обыкновенным недоразумением, которое разрослось, пока он сердился на бабушку и перестал слушать объяснения остальных.

Вивьен отъехала ещё до ссоры или после? Ричард не видел отъезда. Она собиралась, когда он пошёл к Аделине. После уже не нашёл. Эмили могла знать точнее. Сержант записал, не подогнав обе чужие истории под один удобный час.

Перчатки Ричард брал перед обедом. Цепь у Вивьен соскочила, она уже залезла сама, но колесо пришлось придерживать вдвоём. Лоуренс стоял рядом, дал свои, потому что племянник собирался сесть за стол в светлых рукавах. Потом заставил протереть.

— Вернули лично?

— Положил на скамью. Он сказал оставить там. Вивьен ещё напомнила, масло будет внутри.

Сержант спросил, не пользовался ли ими снова. Нет. Своих у Ричарда в доме две пары; если бы понадобилось, взял бы свои. Лоуренс за своими вещами следил, спрашивал, куда убрали, даже если сам туда же и положил.

Ричард помолчал и с неожиданной злостью добавил:

— Он сейчас скажет: вот если бы ты не разозлил бабушку, она бы не осталась одна. Я уже слышал это после болезни отца от всех по очереди. Мне тогда тринадцать было.

Рид переспросил только, живёт ли Вивьен в Грейли. Молодой человек выпрямился: только теперь понял, что полиция будет спрашивать и её. Назвал лавку, отцовскую фамилию. На прощание попросил не говорить о чашке так, будто швырнул в бабушку. Сержант прочёл записанное. Ричард кивнул, сел перечитывать остальное.

* * *

Перчатки нашли в хозяйственном домике за огородом. Лоуренс сам сказал, куда положил, и пошёл бы показать, если бы Рид не попросил остаться. Пул проводил сержанта: деревянная дверь разбухла, её нужно было приподнять за ручку.

Внутри стояли полки с горшками, лейки и маленький стол, накрытый мешковиной. На краю, возле миски с водой, лежали две кожаные перчатки. Чуть дальше виднелась тряпка, которой вытирали масло. Пул сразу сказал, что это не его: он различал свои вещи по дырке возле середины, а эта была целая.

Сержант описал положение, позвал Шилдса с нужной упаковкой. Не дал садовнику показать шов на пальцах, надевая вещь на руку. Пул отступил, обиженно засопел.

— Я же не украду. Я хотел сказать, вы их мокрые заберёте, так кожа станет колом.

— Скажу, как передать. Пока пусть лежат.

Рид посмотрел на обе стороны. Ремонт у большого пальца был виден, внутри левой — подшитая светлой ниткой тёмная кожа. Возле края часть заплаты отсутствовала. Оставшаяся держалась на нескольких стежках, край неровный, не ровно отрезанный ножницами. Сержант отметил, не стал прикладывать к нему ничего из кармана или из комнаты погибшей: нужная полоска ещё сохранялась отдельно с описанием врача.

У запястья перчатка расширялась коротким разрезом. Рид не вывернул её наизнанку: через край и без этого было видно, как заплата доходила до самого входа. Под неё можно было попасть пальцами, если держать человека возле раструба. Снаружи ту же часть закрывала целая кожа, и при беглом взгляде повреждение легко пропустить. Сержант попросил снять обе стороны, не расправляя нарушенные стежки ради более красивого снимка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.